

Вопросы теории

НОМО FINANSUS: РИСКИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

Сараквашин Денис Александрович
аспирант,
МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Аннотация

Статья посвящена теоретической проработке малоисследованного вопроса специфики хозяйствующего субъекта периода современного финансового капитализма. Целью работы выступила идентификация рисков становления homo finansus по линиям устойчивости и развития как наиболее перспективных координат для изучения поведения сложных систем. В труде приведен углубленный аналитический обзор зарубежных и отечественных материалов по теме. Выполнен синтез мотивов поведения homo finansus с позиций ключевых финансовых параметров. Установлено отношение к принятию риска как единственной возможности обеспечения материального благополучия и внутреннего совершенства, а к долгу как естественному состоянию, в чем усматривается форма финансового фетишизма. Ориентация homo finansus на гипертрофированную автономию делегирует на индивидуальный уровень угрозы, которые носят системный характер и не могут быть адекватно обработаны сообществом инвесторов. Указанное явление обнаруживает подготовку почвы для демонтажа национальных государств. Исключительный интерес к кругообороту финансовых активов отрицает категорию творчества, что трактуется как попытка остановить развитие и зафиксировать status quo.

Ключевые слова: финансиализация повседневной жизни, модель человека, homo finansus, homo creator, устойчивость, развитие.

JEL коды: P34, O15, O16, G40.

Для цитирования: Сараквашин Д.А. Homo finansus: риски для устойчивости и развития // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2025. Том 17. Выпуск 2. С. 7-20. DOI: 10.38050/2078-3809-2025-17-2-7-20.

Введение

Образ человеческого мышления является компонентом жесткого ядра любой экономической теории: приоритет собственного интереса в сочетании с компетентностью и учетом классовых и неденежных факторов в учении английских классиков; потребность в саморазвитии и самореализации в обществе при ощущении единства с ним и с природой в марксистской политэкономии; рациональное максимизаторство в неоклассике; склонность относительно

больше сберегать по мере роста доходов как основной психологический закон кейнсианства; ограниченная рациональность в сочетании с оппортунизмом в институциональной экономике (Автономов, 1993).

Мотивы человека определяют его поведение и формируют экономическую действительность – явления рецессии и подъема, безработицы и инфляции, коррупции, специфику макропруденциального регулирования и позитивной дискриминации (Акерлоф, Шиллер, 2010). Поэтому осмысление мотивации имеет первостепенное методологическое значение для эффективного экономического целеполагания, планирования и прогнозирования. По меткому замечанию А. Маршалла, «предметом исследований экономической науки являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» (Маршалл, 1984, т. 1, с. 69).

В теориях «основного течения» принято изучать природу человека как нечто заданное, но не до конца изведенное, и анализировать ее влияние на общественные процессы. Тогда научный спор разворачивается вокруг соотношения рационального и иррационального начал и при финансовом капитализме конкретизируется в проблеме рыночной эффективности – способности финансовых рынков отражать в ценах активов их истинную стоимость. Рациональность инвесторов позволяет котировкам мгновенно и полностью поглощать всю доступную информацию, а иррациональность далеко и надолго отклоняет их от внутренней стоимости. «Отцами» теорий эффективного и неэффективного рынка являются Ю. Фама и Р. Шиллер соответственно. Но политэкономический подход предполагает постановку обратной проблемы: какого человека формирует финансовый капитализм, и какие риски он как продукт системы несет для ее устойчивости и развития. Данные вопросы составляют предмет текущего исследования.

Формирование конкретно-исторического типа личности происходит под воздействием действующей системы общественных отношений, но и общественные отношения требуют для своего воспроизводства соответствующим образом сконфигурированных субъектов. Применительно к финансовому капитализму данная амбивалентность проявляется следующим образом: предмет или явление только тогда становится циркулирующим на рынке и способным генерировать доход носителем финансовой стоимости, когда все более широкие слои населения конституируют себя в финансовых категориях, т. е. как рискующих и инвестирующих индивидов. По выражению итальянского социолога М. Лаззарато, финансы требуют «производства субъективности», предписания стать экономическим субъектом (Lazzarato, 2012, p. 49–50).

С такой политэкономической перспективы изучение особенностей человека эпохи доминирования финансового капитала получает существенную проработку в зарубежных трудах по финансовализации, современная отечественная литература характеризует предмет только в общих чертах, либо не придает ему значения, что представляется незаслуженным, учитывая его теоретико-методологическую и практическую ценность. Например, в работе, посвященной эволюции модели экономического поведения человека в условиях цифровой трансформации (Сухарева, Чурзина, 2024), вопрос формирования финансовых стимулов не затронут, хотя именно цифровизация позволила финансовым рынкам внедрить и распространить в массы новые психологические установки. Поэтому первой задачей данного исследования является привлечение внимания научного сообщества к проблематике формирования особого типа чело-

века современного финансового капитализма. Для этого предлагается систематизировать элементы объемной, но относительно эклектичной массы научных разработок по финансиализации индивидуального поведения; определить координаты новой модели человека в ключевых финансовых параметрах; обозначить порождаемые логикой финансового мышления риски для экономической безопасности как самого субъекта, так и устойчивости и развития экономической системы.

1. Субъект эпохи финансового капитализма в трудах зарубежных и отечественных исследователей

В ключевом для научной проработки феномена финансиализации труде Н. ван дер Цван (van der Zwan, 2014)¹ условно выделяется три уровня его анализа: разнообразные проявления дихотомии «государство–рынок» – макро-уровень; реконфигурация корпоративного управления на основе диктата максимизации акционерной стоимости – мезо-уровень; новые формы взаимодействия домохозяйств и финансовых агентов, так называемая финансиализация «повседневной жизни», соответственно, микро-уровень.

И если первые два направления относительно подробно изучены, то вопросы трансформации жизнедеятельности «non-elite» индивидуальных субъектов остаются сравнительно малоисследованными. В наукометрической работе (Mader et al., 2020) приведен ряд наиболее общеупотребимых определений финансиализации: из одиннадцати дефиниций только два проливают свет на предмет с позиций индивида. Еще меньше материалов посвящено собственно формированию нового типа человека как стороны финансиализации повседневной жизни. Например, в исследовании (Laravitsas, 2011) указано, что в результате финансиализации домохозяйства все больше вовлекаются в сферу финансов в качестве держателей активов и долгов, потребление все более опосредуется финансовой системой, имеет место экспроприация личных доходов. Иными словами, анализируются внешние проявления финансиализации повседневной жизни. В посткейнсианском исследовании (Palley, 2008, p. 23) отмечено, что финансиализация формирует «идентичность инвестора» как благоприятную почву для реализации политики в интересах финансовых кругов, но положение не получает дальнейшей проработки.

Неудовлетворенность макро-, микроэкономическими и структурными описаниями изменений стала причиной детального изучения становления нового актора экономической действительности. Фундаментальный вклад в его понимание внесла работа (van der Zwan, 2014): автор начинает анализ не с внешних проявлений вроде динамики потребительского кредитования, повышения доступности финансовых услуг, что, безусловно, имеет место, и даже не с механизмов внедрения финансового образа мышления – рекламных кампаний, посвященных денежной тематике журналов, обязательных программ повышения финансовой грамотности, что представляет из себя более глубокий аналитический срез. Первостепенно феномен анализируется с культурологической перспективы: как изменяется хозяйственная самоидентификация человека в направлении становления гражданина как инвестора. В этой связи ученый показывает, как новый дискурс трансформирует стратегию управления человеком своей жизнью, его отношение к риску и видению самореализации. Представление о безопасности, связываемое с программами социального обеспечения, уступает место принятию ответственности в

---

¹ Статья получила сертификат Citation of Excellence от издательства Emerald.

условиях риска. Противостояние неопределенному будущему выступает общей онтологической основой финансов и безопасности, отсюда риск ныне воспринимается как мотивирующая сила для выхода на финансовый рынок, а управление им – как возможность подготовиться к неизвестности. Возникает новая идентичность человека как «инвестирующего субъекта – предельно автономного индивида, страхующего себя от рисков жизненного цикла с помощью финансовой грамотности и самодисциплины» (van der Zwan, p.113). Н. ван дер Цван отмечает целенаправленное использование местоимений мужского рода для подчеркивания маскулиной природы данного субъекта, что согласуется с результатами гендерного исследования по финансиализации (Predmore, 2020), где подчеркивается, как мужественность пронизывает все финансовые практики, и возможность ее балансировки за счет инклюзии женщин маловероятна. Напротив, как в позитивном ключе утверждается в работе (Nilsson, 2024), посвященной демонтажу государства всеобщего благосостояния в Швеции, одним из ключевых моментов в финансовом образовании стал такой вектор расширения прав и возможностей женщин, чтобы они становились рискующими инвесторами и «не задерживались в мелкой сфере домашнего хозяйства».

Здесь необходимо сделать следующие ремарки: во-первых, обращает внимание, как превозносится важность фондового рынка относительно «мелочности» домашнего быта, и во-вторых, как этот процесс сопряжен с подрывом свойственного женской природе качества осторожности, столь необходимого для самосохранения домашнего хозяйства. Как справедливо отмечают авторы (Predmore, 2020), сочетание стремления к достижению краткосрочных целей и женоненавистнического принижения осторожности ставит под угрозу экономическую безопасность всего общества.

Продолжая аналитический обзор воззрений зарубежных ученых на природу «инвестирующего субъекта», обратимся к исследованию швейцарского социолога (Pellandini-Simányi, 2020). Согласно ему, доминирование финансов породило следующий культурный сдвиг: люди с удовольствием берут на себя контроль и индивидуальную ответственность за свое будущее финансовое благополучие, воспринимая отказ от госуслуг за новую форму свободы, охотно принимают финансовый риск, находятся в постоянном поиске новых инвестиционных возможностей и готовы к их долговому финансированию. Холодный рассудок и финансовый расчет укрепляются и главенствуют в несвойственных им областях, например, приобретении жилья. Здесь важно отметить, как толерантное отношение к долгу позволяет камуфлировать стагнацию реальной заработной платы и искусственно, за счет будущих доходов, а фактически – интересов будущих поколений, поддерживать достигнутый уровень жизни.

Трансформируется и восприятие человеком себя самого. Главным критерием самооценки и респектабельности становится финансовый успех через предприимчивость и терпимость к риску на основе широкого использования кредитных, инвестиционных и страховых продуктов. Обучение финансовой грамотности создает способность к управлению ими. Таков механизм формирования «устойчивого участника» финансового рынка (Lazarus, 2020).

Финансовая логика проникает и в более глубокие слои психики. Обращаясь к работам М. Фуко концепции технологий себя как операций над собственным телом, поведением, способом существования для освобождения (Foucault et al., 1988), авторы (Pellandini-Simányi, 2020) демонстрируют, что финансовые практики становятся одной из таких техник, следовательно ведут к жизни, свободной от страхов и ограничений. Здесь обнаруживаются

мистификация финансов, наделение их сверхъестественными свойствами, проявление «денежного фетишизма». Язык финансов создает пространство, где мы можем осуществлять самообладание, которое направляет сомнения по поводу неопределенной идентичности в плодотворную деятельность. В этом пространстве «я» управляется во имя собственного выбора и безопасности, практика инвестиций выступает механизмом долгосрочной работы над собой, а открытость риску предстает ключом к активной гражданской позиции (Aitken, 2020). А на фоне имеющей место финансовой изоляции, демаркации подозрительных, неблагонадежных групп населения, чего только стоит кредитный скоринг – оценка «кредитного качества» человека (Aitken, 2020), финансовый успех позволяет ощутить собственное превосходство. Тем самым оголяется соцдарвинистская направленность финансиализации и лицемерие неоллиберальной идеологии: за мнимым укреплением самости скрывается объективация человека и человеческих отношений в параметрах риск-доходность.

«Инвестирующему субъекту» соответствует принятый в русскоязычном научном пространстве термин «homo finansus» (Левина, 2005). Фундаментальное исследование современного бытия глобального капитала определяет его как продукт финансиализации, господствующий тип личности, ориентированный на финансовые транзакции как главный способ жизнедеятельности, причем, это касается не только предпринимателей, но и потребителей (Бузгалин, Колганов, 2014, с. 251). Раскрывается сущность нового человека в исследованиях А.А. Залетного и А.В. Кузнецова. Авторы солидарны в том, что homo finansus возникает как деформация homo economicus. Рациональность и установка на максимизацию прибыли сохраняются, но дополняются новым качеством: в той мере, в какой финансовый рынок в состоянии обеспечить возможность извлечения прибыли, homo finansus жертвует любыми соображениями относительно сохранения среды обитания человека, производства и, что критично, самовоспроизводства. Степень психологического сдвига настолько велика, что любые иные мотивации воспринимаются как противоречащие природе человека (Залетный, 2014, с. 90–91). И результаты зарубежных этнографических исследований по экономической социологии подтверждают сказанное: финансовая логика «одомашнивается», артикулируется как часть моральной экономики и доминирует над моралью и заботой о внутрисемейных отношениях (Lai, 2017).

В том же ключе рассуждает А.В. Кузнецов: подкрепленное возможностью, пусть и прозрачной, стремление получить сверхбыстрый непроизводительный доход в финансовой сфере приводит к тому, что homo finansus ничего не создает, его не интересуют смыслы, лишь количество и скорость его обращения. Данный психотип всеми силами сужает сферу обитания человека до виртуального пространства фиктивных ценностей с помощью финансовых инноваций – единственных нововведений, на которые он способен (Кузнецов, 2019). Но такие псевдоинновации ускоряют обращение реальных ресурсов в цифровые активы, что обнаруживает сходство с сюжетом древнегреческой мифологии в современной трактовке. Проиллюстрируем данное положение следующим примером финансового инжиниринга. Непосредственно перед ипотечным кризисом получили распространение структурированные ценные бумаги, обеспеченные ипотечными кредитами (collateralized backed obligations – CDO). По мере увеличения «пузыря» продукт «переупаковывался» в синтетические CDO, включавшие производные ценные бумаги, например, кредитные дефолтные свопы. Данная финансовая инновация рассматривается как один из катализаторов ипотечного кризиса. В его результате к концу 2008 г. доля

пустовавшего в США жилья составила 11% против 8% в 2000 г.² Колоссальнейшее количество природных ресурсов и человеческого труда было просто оцифровано и уничтожено.

2. Координаты финансового человека в ключевых финансовых параметрах: риски для устойчивости и развития

Соотношение «риск–доходность» является фундаментальным для финансовой теории. Принятие дополнительной единицы риска выступает причиной более высокой доходности, в этом заключается принцип безарбитражного ценообразования. Homo finansus ее объективирует и распространяет на всю хозяйственную жизнь. Риск воспринимается как единственная возможность обеспечения процветания, а кризисные явления трактуются как реализация риска и объясняются действием spiritus animalis – иррационального начала, представленного «духами доверия, справедливости, соблазнов, денежных иллюзий и жизненных историй», а не системными проблемами экономики, фиаско рынка или государства. Общий ответ на ключевые вопросы капиталистической экономики «Почему происходят депрессии?» и «Почему столь чудовищны колебания фондовых рынков?» кроется в природе человека (Akerlof, Shiller, 2010, p. 209) и не более того.

Доступ к владению и операциям с ценными бумагами, особенно «голубыми фишками», лежит не только в основе материального благополучия, но и самости: инвестиции, а по сути спекуляции, рассматриваются как средство достижения совершенства, независимости, освобождения от страха. В такой трактовке финансовый рынок приобретает черты идола – золотого тельца.

Перспективы быстрой непроизводительной наживы скрадывают процесс онтологизации долга, выступающего источником инвестиций. Будучи одной из крайних форм зависимости, он закрепляется в психике человека в качестве естественного. Наивно полагать, что сбережения, предназначенные для вложения в финансовый рынок, но созданные ценой ущерба экологии, здоровью и развитию человека, долгом не являются. Такковы закономерности мышления инвестирующего субъекта.

В координатах «устойчивость–развитие» представляется возможным наиболее полно изучать поведение сложных систем. Для всех возможных употреблений термина «устойчивость» общим знаменателем является способность системы сохранять траекторию движения, несмотря на внешние возмущения. Под развитием понимается качественное обновление системы, сопряженное с преобразованием ее внутренних и внешних связей. Кроме того, мышление в терминах устойчивости комплементарно процессу финансовализации, служит легитимацией финансового рынка как более эффективного проводника социального обеспечения, нежели государство всеобщего благосостояния с закономерным отмиранием последнего, и выступает катализатором финансовализации (Donoghue, 2022). Потому предлагается обозначить риски становления, распространения и доминирования финансового субъекта по линиям устойчивости и развития.

Рассмотрим риски по линии устойчивости.

1. Возвращение «инвестирующего субъекта» неожиданно подрывает финансовую устойчивость самого индивида. Долгосрочные тренды на фондовом рынке зачастую не принимаются во внимание финансовыми консультантами, хотя его позиционирование как более

² <https://www.theguardian.com/business/2009/feb/13/america-empty-houses-recession> (дата обращения: 09.02.2025).

надежного источника финансового обеспечения, чем, например, государственные пенсионные схемы, требует рассмотрения широких временных диапазонов. Ретроспективно можно констатировать следующее: средняя продолжительность жизни американской компании из списка S&P 500 за период 1938–2018 гг. сократилась на 80% (с 67 до 15 лет), а 76% британских компаний из списка FTSE 100 исчезли за период 1988–2018 гг.³ Динамика не обходит стороной и гигантов американского фондового рынка. Согласно исследованию McKinsey, медианный возраст десяти крупнейших компаний индекса S&P 500 сократился с 85 лет в 2000 г. до 33 в 2018 г. (Hillenbrand et al., 2019). Японскому индексу Nikkei 225 потребовалось около 35 лет, чтобы только вернуться к пику, достигнутому в 1989 г., и это статистика наиболее развитых фондовых рынков. Россия за двадцатилетний период 2005–2024 гг. пережила сразу несколько экономических шоков, два из которых сопровождалась глубочайшими обвалами отечественных индексов – в 2008 г. и в 2022–2024 гг. На этом фоне утверждения о фондовом рынке как источнике финансовой безопасности выглядят сомнительными, если под таковой, конечно, не подразумевается безопасность для избранных. Так, в 1989 г. 1% американских домохозяйств владел долей около 39% от всех акций, находящихся в руках домохозяйств, а верхним 10% принадлежало 82% активов. В 2016 г. цифры составили уже 50% и 92% соответственно⁴. В этой связи сложно не согласиться с результатами исследования (Froud et al., 2006, p. 4), рассматривающего финансиализацию как постановку перед домохозяйствами утопической цели обеспечить свою безопасность за счет сбережений на фондовом рынке.

Но и с точки зрения финансового планирования конструкция оказывается принципиально уязвимой. Дело в том, что после демонтажа золотого стандарта цены на активы оторвались от фундаментальной стоимости и стали предметом спекулятивных ожиданий, этим и объясняются отдельные случаи роста коэффициента P/E до четырехзначных значений⁵. В отсутствии универсального измерителя установить истинную стоимость актива даже приближенно становится невыполнимой задачей. Подрыв качества денег как всеобщего эквивалента сокращает горизонт планирования самих эмитентов ценных бумаг до 5–10 лет, не говоря уже о перспективах долгосрочного личного финансового планирования. Отсюда очевидно, что инвестирование не способствует долгосрочной финансовой устойчивости индивида, напротив, создает дополнительные риски для его материального благополучия.

2. С макроэкономической перспективы формирование homo finansus подспудно делегирует на индивидуальный уровень риски, которые носят системный характер, и не могут быть адекватно обработаны сообществом непрофессиональных инвесторов, что создает угрозу лавинообразных банкротств в целых отраслях экономики. Например, ипотечный кризис 2008–2010 гг. затронул не только финансы, но и строительство, а вместе с ним металлургию, автомобилестроение и др. Здесь обнаруживается связь homo finansus как фактора неустойчивости с гипотезой финансовой хрупкости Х. Мински. Если управление риском становится функцией индивида, в чем состоит предназначение финансового регулятора? В программе формирования homo finansus также усматривается попытка расширить число сторонников неолиберальной политики, подразумевающей демонтаж национальных государств или их превращение в

³ <https://hbr.org/2018/09/how-winning-organizations-last-100-years> (дата обращения: 09.02.2025).

⁴ <https://finance.yahoo.com/news/the-richest-1-own-50-of-stocks-held-by-american-households-150758595> (дата обращения: 09.02.2025).

⁵ P/E – отношение цены акции к чистой прибыли на акцию. Значение около 1.000 наблюдалось для акций Tesla в 2020 г.

обслуживающий персонал финансового капитала. И если отдельные правительства не рассматривают данный тренд в негативном ключе, то для национальных целей развития России он весьма вредоносен.

3. Особенно настораживают риски для устойчивости, связанные с обновленным восприятием долга. И речь в данном случае не столько о приобретении потребительских, не всегда обязательных благ по принципу «купи сегодня, заплати завтра», хотя оплата нынешнего образа жизни будущим трудом не способствует устойчивому состоянию, сколько об объективной невозможности за счет собственного труда обрести жизненно необходимое благо – жилье. Занятость более не является достаточным для этого условием, и homo finansus искренне с этим согласен. Домовладение обеспечивает домохозяйствам пространство для социального воспроизводства и чувство онтологической безопасности, но только в том случае, когда оно de jure и de facto находится в собственности семьи, а не банка. Если жилье становится «альтернативной пенсионной схемой», «главным финансовым активом» и «банкоматом» для выдачи денег под залог, оно утрачивает свое значение как убежища и сердца семейной жизни со всеми вытекающими рисками для самовоспроизводства.

4. С социально-экономической точки зрения тревожным представляется особый акцент на исходной психической характеристике homo finansus – автономии, особенно в качестве предпосылки финансовой безопасности. Разобщение людей, отрицание взаимовыручки усиливают уязвимость человека перед лицом неопределенности циклических колебаний, вынуждает больше сберегать. Тогда как объединение потенциалов через создание семьи позволит оптимально распоряжаться общими ресурсами, гибко их комбинировать и тем самым снивелировать негативные последствия внешних шоков, в чем, в общем, и заключается устойчивость. Как показывает А. Робертс, в предыдущие экономические кризисы женщины компенсировали нехватку ресурсов за счет увеличения количества оплачиваемого и неоплачиваемого труда (Roberts, 2016). Более того, гипертрофированное обособление создает угрозу человеческому воспроизводству. И хотя нет оснований утверждать, что следующее происходит исключительно под действием процессов финансовализации, но тенденция по увеличению доли домохозяйств-одиночек приобретает угрожающие масштабы. Согласно данным ООН, среднее значение показателя по Евросоюзу на 2018 г. составляет около 1/3, а для Скандинавии, как правило рассматриваемой в качестве некоторого эталона социально-ориентированного развития – более 42%⁶. Неутешительна и статистика по России. Доля одиноких домохозяйств за период с 2002–2021 гг. увеличилась почти в четыре раза – с 12% до 42%, а его средний размер сократился с 2,7 до 2,2 человека (Прокофьева, Корчагина, 2023). Вместе с тем, будет справедливым заметить, что значение данного показателя сильно зависит от методологии расчета, также от возрастной структуры населения и его концентрации, но не выглядит ошибочным учитывать и «вклад» хозяйственного и технологического укладов.

Рассмотрим риски по линии развития.

При анализе самоидентификации homo finansus установлено, что новая психологическая парадигма отрицает естественные женские качества – заботу, неприятие риска, интуитивное, основанное на чувствах принятие решений. А рассмотрение жилья как финансового актива превращает женскую работу по дому в прямо не оплачиваемый, но создающий добавленную стоимость экономический менеджмент. В этой связи нельзя не вспомнить слова А. Маршалла: «Самый ценный капитал – это тот, который вложен в человеческие существа, а из этого

⁶ <https://ourworldindata.org/grapher/one-person-households>

капитала самой драгоценной его частью является та, которая составляет результат забот и влияния матери, когда она сохраняет инстинкты нежности и самоотречения и не ожесточена тяжестью и напряжением неженского труда» (Маршалл, 1984, р. 270). И признавая термин «креативно-личностный потенциал» более уместным для сбалансированно развивающейся, социально-ориентированной экономики, нежели понятие «человеческий капитал», автор солидарен с классиком в том, что отсутствие воспитательного женского начала губительно для формирования физически и психически здоровой, способной, ориентированной на воспроизводство и созидание личности. И в этой связи homo finansus в явном виде выступает антиподом homo creator – субъекта, нацеленного на саморазвитие, прогресс и решение творческих задач. Именно в контексте модели творческого человека экономика приобретает новые черты, преодолевая объективные ресурсные ограничения (Лозина и др., 2020). Категория творчества не присутствует как компонент мотивации homo finansus, потому он вытесняет человека-преобразователя и лишает научно-технический прогресс главного генератора идей, тем самым, как отмечает А.В. Кузнецов, «отбрасывает человека на обочину мирового развития» (Кузнецов, 2019).

И хотя нельзя не согласиться с утверждением о многовариантности или многоукладности человеческой психики, при том, что конкретная ее комбинация определяется не только социальными, но и генетическими факторами (Ольсевич, 2008), оттого модель многомерного или, следуя традиции эпохи Возрождения, универсального человека представляется более жизнеспособной, чем относительно категоричная модель homo creator, сам Ю.Я. Ольсевич отмечает, что в обществе, ориентированном на развитие, во главе предприятий оказываются люди с новаторской психикой. В их поведении доминирует потребность в новизне и творческий инстинкт (Ольсевич, 2008, с. 36). Но именно в плодотворном сочетании разнообразных способностей, интересов и видов деятельности, т. е. в многоукладности, усматривается та синергия, которая выступает основой для раскрытия творческой природы человека и создания научного, художественного и технологического наследия, именуемого прогрессом. И величайшие умы человечества – Авиценна и О. Хайям, Н. Коперник и Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносов и Г.В. Лейбниц, Д.И. Менделеев и Н. Тесла – будучи представителями различных эпох и цивилизаций, были непременно объединены единым личностным качеством – универсальностью.

Но homo finansus интересуется только бытие кругооборота финансовых активов. Сознательно игнорируя категорию качества, оперируя лишь ее полярной парой, количеством, данный субъект устраняет противоречие как движущую силу развития и, следуя Э.В. Ильенкову, действительно отбрасывает человечество в эпоху средневековых метафизических представлений (Ильенков, 1974, с. 79). Поэтому в качестве главной угрозы формирования homo finansus автор рассматривает попытку остановить развитие и зафиксировать status quo.

Заключение

Учитывая первоначальное стремление автора привлечь внимание ученых к проблематике трансформации хозяйствующего субъекта, вместо традиционного заключения представляется целесообразным поставить следующие вопросы.

1. Неужели «казино-капитализм» есть максимум, на который способна современная экономика особенно с учетом уровня ее технологического развития? В чем тогда заключается

роль планирования и целеполагания как классических функций управления, где место и в чем задачи финансовой системы?

2. Можно ли назвать экономику эффективной, а институциональный выбор предпочтительным, если они не способны создать среднестатистическому человеку условия для приобретения базового жизненного блага, неотъемлемого атрибута устойчивости – жилья – за счет собственного труда, без обращения к заимствованиям?

3. Насколько конкретно-исторический тип человека homo finansus адекватен устойчивому развитию России, отражает ли он особенности российской ментальности и учитывает ли экономико-географические преимущества России при принятии решений? Каким образом данный субъект содействует или препятствует реализации национальных проектов России, способствует решению демографических проблем? Безопасен ли такой человек для всеобщего финансового благополучия российского общества?

Что наиболее важно, каковы перспективы экономики финансовых людей с ампутированной способностью к творчеству и производительному труду, иными словами, какие «экономические возможности наших внуков» мы можем прогнозировать?

Ответы на поставленные вопросы послужат отправной точкой для разработки широкого спектра реформ от лежащих в области регулирования финансового рынка до содержания финансового образования, включая финансовую грамотность.

Список литературы

Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории: очерк истории западной экономической жизни. М.: Наука, 1993. 174 с.

Акерлоф Д., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. 273 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: Ленанд, 2014. 905 с.

Залетный А.А. Финансовый капитал: взгляд изнутри. М.: ТЕИС, 2014. 117 с.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 273 с.

Кузнецов А.В. Homo Finansus как феномен научно-технического прогресса // Философия хозяйства. 2019. № 3. С. 27–37.

Левина И. Г. Homo Finansus как продукт нового соотношения реального и финансового секторов // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 5. М.: Современные тетради, 2005.

Лозина О.И., Рогожникова В.Н., Тутов Л.А. Модель творческого в современной экономике: опыт создания // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2020. Т. 12. №. 4 С. 7–20. DOI: 10.38050/2078-3809-2020-12-4-7-20.

Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. II. М.: Прогресс, 1984.

Ольсевич Ю.Я. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2008. № 1. С. 3–15.

Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. 2023. № 10. С. 4–17. DOI: 10.17323/DEMREVIEW.V10I2.17763.

Сухарева М.А., Чурзина И.В. Эволюция модели экономического поведения человека в условиях цифровой трансформации // Вест. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2024. № 21. С. 37–54. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-37-54.

Aitken R. «A Machine for Living»: The Cultural Economy of Financial Subjectivity // The Routledge International Handbook of Financialization. 2020. P. 369–379. DOI: 10.4324/9781315142876-33.

Donoghue M. Resilience, discipline and financialisation in the UK's liberal welfare state // New Political Economy. 2022. No. 27. P. 504–516. DOI: 10.1080/13563467.2021.1994538.

Foucault M., Martin L.H., Gutman H., Hutton P.H. Technologies of the self: a seminar with Michel Foucault. Amherst: University of Massachusetts Press, 1988. 182 p.

Froud J., Johal S., Leaver A., Williams K. Financialization and strategy: Narrative and numbers. Routledge, 2006. DOI: 10.4324/9780203414941.

Lai Karen P.Y. Unpacking financial subjectivities: Intimacies, governance and socioeconomic practices in financialization // Environment and Planning D: Society and Space. 2017. No. 35 (5). P. 913–932. DOI: 10.1177/0263775817696500.

Lapavistas C. Theorizing financialization // Work, Employment and Society. 2011. No. 25. P. 611–626. DOI: 10.1177/0950017011419708.

Lazarus J. Financial Literacy Education: A Questionable Answer to the Financialization of Everyday Life // The Routledge International Handbook of Financialization. 2020. P. 390–399. DOI: 10.4324/9781315142876-35.

Lazzarato M. The Making of the Indebted Man. An Essay on the Neoliberal Condition. South Pasadena, CA: Semiotext(e), 2012. 199 p.

Mader P., Mertens D., van der Zwan N. Financialization: An introduction // The Routledge International Handbook of Financialization. 2020. P. 1–16. DOI: 10.4324/9781315142876-1.

Nilsson C. Turning Students into Stock Market Investors: The Role of Civil Society and Public Schools in Swedish Financialization, 1985–2010 // Enterprise and Society. 2024. Vol. 25. Is. 4. P. 1264–1294. DOI: 10.1017/ESO.2023.42.

Pellandini-Simányi L. The Financialization of Everyday Life // The Routledge Handbook of Critical Finance Studies. 2020. P. 278–299. DOI: 10.4324/9781315114255-18.

Predmore S. Feminist and gender studies approaches to financialization // The Routledge International Handbook of Financialization. 2020. P. 102–112. DOI: 10.4324/9781315142876-9/.

Roberts A. Household debt and the financialization of social reproduction: Theorizing the UK housing and hunger crises // Research in Political Economy. 2020. No. 31. P. 135–164. DOI: 10.1108/S0161-723020160000031009/FULL/XML.

van der Zwan N. Making sense of financialization // Socio-Economic Review. 2014. No. 12. P. 99–129. DOI:10.1093/ser/mwt020

Hillenbrand P., Kiewell D., Miller-Cheevers R., Ostojic I., Springer G. Traditional company, new businesses: The pairing that can ensure an incumbent's survival // McKinsey and Co. 2019: URL: <https://www.mckinsey.com.br/industries/oil-and-gas/our-insights/traditional-company-new-businesses-the-pairing-that-can-ensure-an-incumbents-survival> (дата обращения: 11.02.2025).

Palley T. I. Financialization: What it is and Why it Matters // Levy Economics Institute Working Paper. 2007. No. 525: URL: <https://ssrn.com/abstract=1077923> (дата обращения: 11.02.2025).

Theoretical Issues

HOMO FINANSUS: RISKS TO SUSTAINABILITY AND DEVELOPMENT

Denis A. Sarakvashin

Postgraduate student,

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics

(Moscow, Russia)

Abstract

The article is devoted to the theoretical study of the little-studied issue of the specifics of modern financial capitalism economic actor. The aim of the work is to identify the risks of becoming homo finansus along the lines of stability and development as the most promising coordinates for studying the behavior of complex systems. The work provides an in-depth analytical review of foreign and domestic materials on the topic. The synthesis of motives of homo finansus behavior from the position of key financial parameters is carried out. The attitude to risk taking as the only possibility to ensure material well-being and internal perfection, and to debt as a natural state, which is seen as a form of financial fetishism, is established. The orientation of homo finansus to hypertrophied autonomy delegates to the individual level threats that are systemic in nature and cannot be adequately handled by the community of investors. This phenomenon reveals the preparation of the ground for the dismantling of nation-states. The exclusive interest in the circulation of financial assets denies the category of creativity, which is interpreted as an attempt to stop development and fix the status quo.

Keywords: financialization of everyday life, human model, homo finansus, homo creator, sustainability, development.

JEL: P34, O15, O16, G40.

For citation: Sarakvashin, D. A. (2025) Homo Finansus: Risks to Sustainability and Development. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 17, no. 2, pp. 7-20. DOI: 10.38050/2078-3809-2025-17-2-7-20.

References

Avtonomov V.S. Chelovek v zerkale ekonomicheskoy teorii: ocherk istorii zapadnoy ekonomicheskoy zhizni. M.: Nauka, 1993. 174 s. (In Russ).

Akerlof D., Shiller R. Spiritus Animalis, ili kak chelovecheskaya psikhologiya upravlyaet ekonomikoy i pochemu eto vazhno dlya mirovogo kapitalizma. M.: OOO «Yunayted Press», 2010. 273 p. (In Russ).

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global'nyy kapital. T. 2: Teoriya: Global'naya gegemoniya kapitala i ee predely. M.: Lenand, 2014. 905 p. (In Russ).

Zaletnyy A.A. Finansovyy kapital: vzglyad iznutri. M.: TEIS, 2014. 117 p. (In Russ).

- Il'enkov E.V. Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii. M.: Politizdat, 1974. 273 p. (In Russ).
- Kuznetsov A.V. Homo Finansus kak fenomen nauchno-tekhnicheskogo progressa. Filosofiya khozyaystva. 2019. No. 3. P. 27–37. (In Russ).
- Levina I. G. Homo Finansus kak produkt novogo sootnosheniya real'nogo i finansovogo sektorov. Filosofiya i budushchee tsivilizatsii: tezisy dokladov i vystupleniy IV Rossiyskogo filosofskogo kongressa (Moskva, 24–28 maya 2005 g.): V 5 t. Vol. 5. M.: Sovremennye tetradi, 2005. (In Russ).
- Lozina O.I., Rogozhnikova V.N., Tutov L.A. Model' tvorcheskogo v sovremennoy ekonomike: opyt sozdaniya. Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal. 2020. Vol. 12. No. 4 P. 7–20. DOI: 10.38050/2078-3809-2020-12-4-7-20. (In Russ).
- Marshall A. Printsipy ekonomicheskoy nauki. T. II. M.: Progress, 1984. (In Russ).
- Ol'sevich Yu.Ya. O psikhogeneticheskikh i psikhosotsial'nykh osnovakh ekonomicheskogo povedeniya. Vest. Mosk. un-ta. Ser. 6. Ekonomika. 2008. No. 1. P. 3–15. (In Russ).
- Prokof'eva L.M., Korchagina I.I. Demograficheskaya struktura semey i domokhozyaystv v Rossii, ee dinamika po dannym perepisey naseleniya. Demograficheskoe obozrenie. 2023. No. 10. P. 4–17. DOI: 10.17323/DEMREVIEW.V10I2.17763. (In Russ).
- Sukhareva M.A., Churzina I.V. Evolyutsiya modeli ekonomicheskogo povedeniya cheloveka v usloviyakh tsifrovoy transformatsii. Vest. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2024. No. 21. P. 37–54. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-37-54. (In Russ).
- Aitken R. «A Machine for Living»: The Cultural Economy of Financial Subjectivity. The Routledge International Handbook of Financialization. 2020. P. 369–379. DOI: 10.4324/9781315142876-33.
- Donoghue M. Resilience, discipline and financialisation in the UK's liberal welfare state. New Political Economy. 2022. No. 27. P. 504–516. DOI: 10.1080/13563467.2021.1994538.
- Foucault M., Martin L.H., Gutman H., Hutton P.H. Technologies of the self: a seminar with Michel Foucault. Amherst: University of Massachusetts Press, 1988. 182 p.
- Froud J., Johal S., Leaver A., Williams K. Financialization and strategy: Narrative and numbers. Routledge, 2006. DOI: 10.4324/9780203414941.
- Lai Karen P.Y. Unpacking financial subjectivities: Intimacies, governance and socioeconomic practices in financialization. Environment and Planning D: Society and Space. 2017. No. 35 (5). P. 913–932. DOI: 10.1177/0263775817696500.
- Lapavitsas C. Theorizing financialization. Work, Employment and Society. 2011. No. 25. P. 611–626. DOI: 10.1177/0950017011419708.
- Lazarus J. Financial Literacy Education: A Questionable Answer to the Financialization of Everyday Life. The Routledge International Handbook of Financialization. 2020. P. 390–399. DOI: 10.4324/9781315142876-35.
- Lazzarato M. The Making of the Indebted Man. An Essay on the Neoliberal Condition. South Pasadena, CA: Semiotext(e), 2012. 199 p.
- Mader P., Mertens D., van der Zwan N. Financialization: An introduction. The Routledge International Handbook of Financialization. 2020. P. 1–16. DOI: 10.4324/9781315142876-1.
- Nilsson C. Turning Students into Stock Market Investors: The Role of Civil Society and Public Schools in Swedish Financialization, 1985–2010. Enterprise and Society. 2024. Vol. 25. Is. 4. P. 1264–1294. DOI: 10.1017/ESO.2023.42.
- Pellandini-Simányi L. The Financialization of Everyday Life. The Routledge Handbook of Critical Finance Studies. 2020. P. 278–299. DOI: 10.4324/9781315114255-18.

Predmore S. Feminist and gender studies approaches to financialization. The Routledge International Handbook of Financialization. 2020. P. 102–112. DOI: 10.4324/9781315142876-9/.

Roberts A. Household debt and the financialization of social reproduction: Theorizing the UK housing and hunger crises. Research in Political Economy. 2020. No. 31. P. 135–164. DOI: 10.1108/S0161-723020160000031009/FULL/XML.

van der Zwan N. Making sense of financialization. Socio-Economic Review. 2014. No. 12. P. 99–129. DOI:10.1093/ser/mwt020

Hillenbrand P., Kiewell D., Miller-Cheevers R., Ostojic I., Springer G. Traditional company, new businesses: The pairing that can ensure an incumbent's survival. McKinsey and Co. 2019: Available at: <https://www.mckinsey.com.br/industries/oil-and-gas/our-insights/traditional-company-new-businesses-the-pairing-that-can-ensure-an-incumbents-survival> (accessed: 11.02.2025).

Palley T. I. Financialization: What it is and Why it Matters. Levy Economics Institute Working Paper. 2007. No. 525: Available at: <https://ssrn.com/abstract=1077923> (accessed: 11.02.2025).